

Венкова А.В. «Опыт жизни» и «опыт культуры» (категориальный анализ) // Науки о культуре – шаг в XXI век: Сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых, Москва, декабрь 2003 г. – М.: МК РФ, РИК МК РФ, НОЦ РИК, 2004. – С. 89-93.

«Опыт жизни» и «опыт культуры» (категориальный анализ)

Алина ВЕНКОВА

Экзистенциальный опыт как дорефлективная данность и «опыт культуры» как конфигурация форм фиксации «опыта жизни» представляют несомненный интерес для аналитического рассмотрения. Особого внимания заслуживает проблема пограничных состояний, «изведывания письмом и творчеством еще непережитого» (Ж.Батай). Здесь происходит фиксация прежде нерасчлененного целого переживаний. Экзистенциальный опыт располагается в пространстве жизненного мира, в то время как «опыт культуры» выписывается в «картину мира», где совершается «представленность» бытия в категориях субъект-объектных отношений.

Категория «опыта жизни» основана на понимании экзистенции как проживания различных форм и состояний вхождения в мир. А.Бергсон в «Творческой эволюции» понимает под опытом «опыт сознания, непосредственного погружения в реальность»¹, где простая форма, непосредственное переживание не подменяется символом, понятийной конструкцией, но воспринимается в ее целостности и непосредственной данности. Жизненный опыт раскрывается в «усилии проживания», за которым стоят «жизненная спонтанность» и «жизненный порыв». Реальность не повторяется, отмечает А. Бергсон, она требует сохранения уникальности моментов движения жизненной материи, воспринимаемых с помощью непосредственного знания и интуиции.

«Опыт жизни» как дорефлективная данность имеет синтетический характер: «опыт лишь описывает пережитое, а не истолковывает, не объясняет и не анализирует»². В силу этого данные опыта хорошо поддаются описанию, но сложны для аналитической обработки. Основу опыта составляет «истина психологическая», а не интеллектуальная, стремящаяся исчерпать, а не обосновать действительность.

Характер оформленности человеческой деятельности, сопровождающийся раскрытием мировоззренческой позиции и параметров мироощущения позволяет обнаружить и описать присущие той или иной эпохе закрепленные в опыте формы вхождения в мир. По замечанию М.Бланшо, «опыт высвобождает из смысла совокупность человеческих возможностей»³, то есть позволяет бытию проявиться, обнаружив себя на феноменальном уровне. Через формы самореализации субъекта мир открывается и становится доступным для осмысления и описания. Мир как целостность обретается в опыте, и через него становится доступным для постижения.

Особое значение имеет проблема «историчности опыта», обнаружения «эпох опыта», отрезков истории, где его структуры сохраняют относительную устойчивость, а также возможностей перехода от одной конфигурации опыта к другой, как в процессе индивидуальной эволюции, так и на уровне движения истории. Зависимость от параметров историко-культурной ситуации составляет сущностное свойство историчности опыта, являясь в то же время инструментом его изучения. «Писать историю» процесса субъективации – это писать историю «па-

радикалы опыта»⁴, которая и определяет его субъектность, отмечает Ж.Миле. Тем самым подчеркивается вписанность субъекта в культуру, его зависимость от социокультурных параметров жизненных ситуаций. Отсюда необходимость изучения опыта не только в контексте материально-технического и конкретно-образного наполнения, но и с учетом параметров общекультурной картины мира, воссоздаваемой субъектом на его основе.

М.Фуко описывает становление форм опыта как развитие «искусства существования»⁵. «Самотехника», «забота о себе» понимается как процесс «придания себе экзистенциальной формы». Носитель опыта оказывается субъектом процесса трансформации, объектом – собственное Я. «Под этим следует понимать, – отмечает Ж.Миле, комментируя Фуко, – осмысленные и добровольные практики, с помощью которых люди не только устанавливают себе правила поведения, но стараются трансформировать самих себя, изменить себя в своем сингулярном бытии, и превратить свою жизнь в произведение, которое обладает некими эстетическими свойствами и отвечает некоторым критериям стиля»⁶.

«Искусство существования», описанное Фуко, соединяет «опыт жизни» и «опыт культуры». Этот синтез находит выражение в эстетической окраске опыта, лежащего в основе «самотехники». Эстетический опыт выступает связующим звеном между миром искусства и социумом, задавая параметры жизненной практики и определяя модели повседневного взаимодействия. Эстетический опыт выполняет, прежде всего, проективную функцию, позволяя субъекту «проигрывать» в воображаемом и символическом пространстве возможные жизненные ситуации. Осуществляясь благодаря механизмам идентификации, эмпатии, отстранения и катарсической разрядки, эстетический опыт «опережает конкретно-жизненный, непосредственный опыт, привносит свои нормы и содержание в жизненную практику»⁷.

Взаимопроникновение «опыта жизни» и «опыта культуры» раскрывается в анализе авторской функции. Авторский опыт оказывается, согласно Ж.Батаю, представленным двумя проблемными областями, двумя «регистрами творчества» – жизненным и языковым. «Жизненный регистр» заставляет художника «не избегать пограничных ситуаций» с целью обнаружения скрытых неизведанных пластов бытия и погружает творца в стихию жизни. Языковой регистр, напротив, «ведет письмо туда, где жизни не остается места»⁸. Для художника опыт проявляется в игре различных авторских Я, опытов «жизни» и «смерти», которые образуют «внутренний опыт» – изведывание письмом и творчеством еще непережитого⁹.

Художественное произведение оказывается «вырезкой из опыта»¹⁰ автора, требующим не отстраненного эстетического суждения, а участия, включенности, готовности разделить опыт жизни и экзистенциальную позицию создателя. Не интеллектуальный анализ, а непосредственное интуитивное озарение, рецептивный укол – «punctum» в терминологии Р.Барта¹¹, наиболее точно соответствуют модусу «опыта восприятия». П.Корнель отмечает антиинтеллектуальный, случайный, не поддающийся анализу характер подобного ощущения: «эта точка обладает способностью наносить укол, пробивать дыру. Барта ведут к этой точке не системные построения, нет, эта «точка» застаёт его врасплох только тогда, когда он непредвзято скользит взглядом по изображению»¹².

«Punctum» Р.Барта описывает визуальный опыт, для Ж.Батая «опыт письма», вбирающий «внутренний опыт писателя»,¹³ является отражением опыта вербального. Через разорванность, непоследовательность текста автор стремится «передать нам нечто непережитое, зовет разделить гибельную опасность письма»¹⁴. Исследование пограничных ситуаций жизни и творчества, достижение

практикой письма области неизведанного отличают, по мнению Ж.Батая, подлинного художника – «художника жизни» от простого ремесленника – «художника материала».

Чтение превращается из процесса овладения смыслом в опыт «сопереживания», включенности в мир писателя. «Ясно, что чтение следует понимать не как дешифровку, – утверждает Ж.-Л.Нанси – напротив, – чтение – это «касаться и быть касаемым»¹⁵. «Быть касаемым» означает быть задетым, застигнутым врасплох, захваченным чужим присутствием; чтобы обрести понимание текста, необходимо «включиться», «войти» в него. Принцип участия превращается в центральную характеристику рецептивной активности¹⁶.

Чтение оказывается не просто деятельностью по обнаружению значений, содержащихся в тексте, но формой вхождения в мир, опытом обретения единства его составляющих, пропущенных сквозь ткань текста. «Читатель обучается пониманию того, что не может быть сообщено посредством обычной познавательной констатации», «чтобы понимать, он должен вовлечься в движение внеязыковых сил, начинающихся за пределами самого текста, но проходящие сквозь него», тем самым, он «тренирует в себе способность быть обостренно чувствительным ко всем событиям, которые происходят на перекрестии жизненных сил тела и мира»¹⁷.

«Опыт жизни» и «опыт культуры» образуют единство смысловых и витальных полей. «Опыт культуры», заостренный художественными практиками, инспирирует формирование структур «опыта жизни». Неподдающаяся анализу дорефлективная данность становится доступной для историко-типологического исследования только благодаря ее фиксации в формах культурного опыта. Ценность творчества определяется не столько степенью «мастерства и умения», сколько присутствием «крови поэта» в произведении. История культуры имеет дело с историей форм фиксации опыта, но не с опытом мира как таковым. Объективированная и отстраненная в картине мира неупорядоченность жизни оказывается представленной системой конвенций, доступной для аналитического рассмотрения. «Опыт жизни» фиксируется в культурном архиве, где хаос жизнетворчества подменяется логикой истории.

Примечания

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Канао-Пресс, 1998. – С. 6

² Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Избранные произведения. – М.: Фабр, 1993. – С. 496

³ Бланшо М. Опыт-предел // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 72

⁴ Миле Ж.-Ф. Опыт как само-техника (читая Фуко) // Социо-Логос постмодернизма. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996 – С. 105.

⁵ Данный круг проблем получил разработку в таких сочинениях М.Фуко как: «Забота о себе. История сексуальности – III», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и др.

⁶ Миле Ж.-Ф. Опыт как само-техника (читая Фуко) // Социо-Логос постмодернизма. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996 – С. 102

⁷ Яусс Х.Р. «Эстетический опыт и литературная герменевтика». Цит. по: Дранов А.В. Эстетический опыт // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – Инион, 1996. – С. 170

⁸ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб: Аxioma/Мифрил, 1997. – С. 315.

⁹ Там же с. 320

¹⁰ «Каждое из них, – отмечает А.Камю, – знаменует собой одновременно смерть определенного опыта и его преумножение» Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Избранные произведения. – М.: Фабр, 1993. – С. 527-528

¹¹ Барт Р. *Camera lucida*. – М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с. *Punctum*, – пишет Р.Барт, – «значит в числе прочего: укус, дырочка, пятнышко, небольшой разрез, а также бросок игральные костей. *Punctum* (...) это тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)». Там же С. 45

¹² Корнель П. Пути к раю. Комментарий к утерянной рукописи. – СПб: Азбука, 1999 – С. 26

¹³ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб: Аxioma/Мифрил, 1997. – С. 310

¹⁴ Там же с. 313

¹⁵ Нанси Ж.-Л. *Corpus*. – М.: Ad Marginem, 1999. – с. 119 «Этот мир – пишет, Ж.Л.Нанси, – требует такое тело смысла, которое не наделяло бы тело значениями и уж тем паче не заставляло бы его становиться собственным законом и претворенной сущностью всех онтологий знака» Там же с.119

¹⁶ «Перед читателем – криптограмма телесных сил, которую ему предстоит расшифровать не как логическую или понятийную задачу, а именно как игру сил, в которой, чтобы обрести понимание, он должен принять участие», отмечает в этой связи В.Подорога. Подорога В. Выражение и смысл. – М.: Ad Marginem, 1995. – С. 236 – 237

¹⁷ Там же с. 230, 240, 236